

09.07.2025

Углеводородная бомба с таймером на 26 лет

Энергетический сектор российской экономики стоит перед стратегическим вызовом: разведанных запасов нефти (31 млрд тонн) хватит лишь на 26 лет при текущем уровне добычи. Ситуацию осложняют два обстоятельства: во-первых, рентабельными являются лишь 13 млрд тонн, во-вторых, львиная доля этой величины — трудноизвлекаемые запасы. Такой сигнал адресовал государству глава Минприроды Александр Козлов во время выступления в Госдуме. Подтекст очевиден: в России недофинансируется нефтяная отрасль и, прежде всего, геологоразведка.

Министр добавил, что общие оценочные ресурсы углеводородов достигают в стране 95 млрд тонн. Но их «надо ещё подготовить за счёт геологоразведки — как государством, так и компаниями, — и только потом перевести их в запасы», — уточнил Козлов.

По запасам нефти Россия занимает пятую позицию в мире, после Венесуэлы, Саудовской Аравии, Канады и Ирана. А по добыче — третью (в 2024 году она составила 514,1 млн тонн): больше сегодня добывают только США и Саудовская Аравия. При этом разработка новых месторождений осуществляется ежегодно. Только в прошлом году их было открыто 39, самые значительные — в Иркутской области, ЯНАО, Красноярском крае и Якутии. Однако открыть — ещё не значит освоить и пустить в ход.

Что значит «разведанные запасы»? Это те, что выявлены в недрах в результате комплекса геологоразведочных работ, и

оценены с полнотой, достаточной для их отработки, проектирования и экономической оценки целесообразности строительства горнодобывающего предприятия. По степени изученности они делятся на три категории: «А» — детально разведанные запасы; «В» — предварительно разведанные; «С1» — запасы месторождений сложного геологического строения и слабо разведанные запасы. Есть ещё категория «С2»: перспективные, предварительно оценённые.

Если же говорить о трудноизвлекаемых запасах (ТрИЗ), к ним неприменимы традиционные технологии добычи. К ТрИЗ относят месторождения в удалённых районах (в Арктике или на шельфе, где отсутствует инфраструктура для добычи и транспортировки); остаточные запасы выработанных месторождений; высоковязкую нефть, которую очень сложно поднимать на поверхность. Яркий пример — баженовская свита Западной Сибири, сланцевая формация, залегающая на глубине 2–3 километра. В случае с этим уникальным, крупнейшим в стране месторождением, необходимо проводить так называемое горизонтальное бурение, технологией которого владеет разве что только «Газпромнефть», рассказывает ведущий эксперт Центра политических технологий Никита Масленников.

— Ресурс старых, ещё советских залежей практически полностью исчерпан на сегодняшний день, — говорит экономист. — Ключевая проблема в том, что в России во многом недофинансируется геологоразведка, мы отстаём от многих государств в её технологическом оснащении.

— И какой же видится выход?

— Большинство запасов проходит по категории трудноизвлекаемых. Значит, надо активизировать усилия, прежде всего, в области геологоразведки; тут работы непочатый край. Во-вторых, России нужна собственная национальная технология добычи именно ТрИЗ, и это мощнейший вызов. Баженовское месторождение фактически пребывает в весьма специфическом состоянии: нефть там добывают в крошечных объёмах, преимущественно в исследовательских целях. При том, что, согласно осторожным оценкам, месторождение может содержать 10-12 млрд тонн нефти. Кроме того, в стране существует несколько тысяч так называемых забалансовых скважин — брошенных, недовыкачанных, недоразработанных. Думаю, в нефтедобыче нужно создавать отдельную подотрасль, которая бы занималась низкоприбыльными месторождениями, оставленными без внимания крупных компаний. Но это требует и логистических, и технологических, и финансовых решений.

Ситуацию усугубляют проблемы с налоговым режимом в индустрии, напоминающим лоскутное одеяло. В России под различного рода льготами находятся не меньше половины всех месторождений, причём с каждым годом этих льгот

становится всё больше. И при этом отсутствует налоговый стимул для добычи на забалансовых скважинах. Многие вообще не используются, их консервируют, хотя там осталось 30-40% запасов.

— Каков сегодня порог рентабельности месторождений в России?

— По мировым меркам он средний. Если на рынках реализуется стрессовый сценарий, спрос упадёт, и нефть подешевеет. Порог в любом случае ниже, чем у сланцевых скважин в Соединённых Штатах: там производители выходят на устойчивую прибыль при цене нефти в $50-55 за баррель. Замечу в этой связи, что после финансового кризиса 2008–2009 годов общемировой тенденцией стало снижение инвестиций в нефтедобычу. И если всё останется, как есть, цены могут резко повыситься примерно к 2035-2040 годам. Очевидно, что сегодня абсолютно нерентабельно добывать арктическую нефть, для выхода хоть на какую-то прибыль баррель нефти должен стоить $100-115. Если это и произойдёт, то не раньше, чем к концу нынешнего десятилетия.

— Насколько это затратное дело: освоение месторождений?

— Оно не просто дорогостоящее, но и крайне сложное с технологической точки зрения. Это целый комплекс мероприятий: вы должны добуриться до нефти, решить извечную проблему обводнения скважины, изучить структуру пластов, провести 3D-сканирование. И, в зависимости от того, какая там плотность пластов, нужно располагать соответствующим набором буров, которые надо постоянно менять. В России затраты растут ещё и потому, что в условиях санкций и ограничений по импорту приходится пользоваться не вполне качественным оборудованием, поставляемым из дружественных стран. Поскольку оно быстрее изнашивается, проходка обходится в итоге дороже.

— В сентябре 2024 года глава Минприроды Козлов сообщил на совещании президента Путина с членами правительства о «дефиците геологического поиска» по многим видам ископаемого сырья. В частности, он упомянул уран, хром, марганец, титан, плавиковый шпат, вольфрам и алюминий, разведанных запасов которых хватит на срок от 5 до 15 лет. Получается, проблема с геологоразведкой относится далеко не только к нефтяному сектору?

— Увы, это так. Существует задел в добыче и производстве редкоземельных металлов: в недрах их немало, но разрабатывать мы их пока даже не начинали. А ведь все самые современные технологии так или иначе связаны с их использованием. Очевидно также, что одновременно с геологоразведкой и добычей первичного ресурса надо развивать перерабатывающие отрасли. Это касается и «нефтянки», и таких сфер, как газо- и углехимия. Необходим комплексный подход. Например, мало добыть газ, организовать его сжижение, это всё решаемо. А вот возникнет вопрос с гелием — стратегическим ресурсом для повышения проводимости и быстродействия компьютерной техники, развития атомной и

космической отраслей. Его надо выделить из метана, а процесс это длительный и многоступенчатый.

— По словам Александра Козлова, на сегодня геологически изучены только 35% дальневосточных и 45% сибирских территорий. Где взять деньги на освоение этих необъятных пространств?

— Сложно сказать. Один из вариантов — если финансированием геологоразведки совместно займутся госкомпании и частный бизнес. Вот только им придется ещё и добывать сырье в этих же местах, строить перерабатывающие предприятия, привлекать рабочую силу, специалистов. Надо будет создавать целую систему стимулов. Завтрашний день мировой экономики неотделим от темы новых материалов, тех же редкоземельных металлов.

Георгий Степанов.